Различие между восточным и западным мышлением

(Первая часть работы Юнга «Psychological Commentary on "The Tibetan Book of the Great Liberation"» из *Psychology and Religion: West and East*.
Collected Works, Vol. 11, pars. 759—787.

[Написано в 1939 г. в Англии и впервые опубликовано и в

*The
Tibetan
Book
of
the
Great
Liberation*

,
тексты которой переводились с тибетского разными специалистами и редактиро-вались
W

Y

Evans

Wentz

(
London
and
New
York
, 1954),

pp

. XXIX—

LXIV

. Комментарий Юнга публикуется здесь с незначительными изменениями. — Редакторы

*The
Collected
Works*
.}.)

Доктор Эванс-Вентц возложил на меня задачу прокомменти-ровать текст, который
содержит важное изложение восточной «психологии». Сам факт, что мне приходится

использовать ка-вычки, указывает на сомнительную применимость здесь этого термина. Возможно, нелишне напомнить, что Восток не создал ничего равнозначного тому, что мы называем психологией, вы-работав скорее некую философию или метафизику.

Критическая философия, мать современной психологии, столь же чужда Во-стоку, как и средневековой Европе. Поэтому слово «mind» (разум, дух или душа в противопоставлении материи или телу. —

A

. A.),

как оно обычно употребляется на Востоке, подразумевает собой нечто метафизическое.

Наше западное понятие «

mind

» утратило метафизические коннотации с окончанием эпохи Средневековья, и сейчас этим словом стали обозначать «душевную» или «пси-хическую функцию» («

psychic

function

»). Несмотря на то, что мы не знаем и даже не претендуем на знание того, что такое «душа» («

psyche

»), мы в состоянии заниматься самим феноменом «

mind

». Мы не предполагаем, что «

mind

» — это некая метафизическая сущность, или что существует какая-то связь между индивиду-альным (

mind

) и гипотетическим Мировым Разумом или Духом (

Universal

Mind

). Таким образом, наша психология является наукой о чистых феноменах без каких-либо метафизических импликаций. Развитие западной философии на протяжении двух последних столетий имело результатом обособление человеческого разума (

mind

) в его собственной сфере и разрыв его изначального единства с универсумом. Сам человек перестал быть микрокосмом и подобием (

eidolon

) космоса, а его «душа» («

anima

») больше не является консубстанциональной

scintilla

,

или искрой

Anima

Mundi

,

Мировой Души.

В соответствии с этим психология трактует все метафизические притязания и утверждения как ментальные феномены и относится к ним как к высказываниям о «mind» и его структуре, которые, в конечном счете, производны от некоторых бессознательных диспозиций. Она не считает их абсолютно валидными или даже способными установить некую метафизическую истину. Мы не располагаем интеллектуальными средствами для определения того, является ли эта позиция (attitude

) правильной или ошибочной. Мы только знаем, что нет ни доказательств, ни возможности доказать валидность метафизического постулата о «Мировом Разуме».

Если разум (mind

) утверждает существование Мирового Разума (Universal Mind

), мы считаем, что он просто делает утверждение. Мы вовсе не допускаем, что таким утверждением было доказано существование Мирового Разума. Против этого рассуждения нет возражений, но нет также и доказательств того, что наш вывод, в конечном счете, верен. Другими словами, столь же возможно, что наш разум (mind

) есть не что иное, как воспринимаемое проявление Мирового Разума (Universal Mind

). Однако мы не знаем и даже не можем себе представить, как можно было бы узнать, так это или не так на самом деле. Поэтому психология считает, что разум (mind

) не способен устанавливать или утверждать что бы то ни было за пределами самого себя.

В том случае, если мы принимаем ограничения, накладываемые на возможности нашего разума, мы демонстрируем свой здравый смысл. Я допускаю, что при этом мы чем-то жертвуем, поскольку расстаемся с тем сверхъестественным миром, в котором сотворенные разумом вещи и существа движутся и живут. Это — мир дикаря, где даже неодушевленные объекты наделяются живой, целебной, магической силой, благодаря которой они участвуют в нашей жизни, а мы — в их существовании. Раньше или позже мы должны были понять, что их могущество было в действительности нашим, равно как и их значение было результатом нашей проекции. Теория познания — это лишь последний шаг из детства человечества, из мира, где сотворенные разумом фигуры населяли метафизические небеса и ад.

Однако, несмотря на этот неизбежный эпистемологический критицизм, мы твердо придерживались религиозного убеждения, что голос веры дает человеку возможность узнать Бога. Таким образом, у Запада обнаружилась новая болезнь: конфликт между

наукой и религией. Критическая философия науки стала, так сказать, негативно метафизической, — иначе говоря, материалистической, — на основе ошибки в суждении, а именно: пред-полагалось, что материя есть осязаемая и могущая быть узнанной реальность. На самом же деле, материя — это до конца мета-физическое понятие, гипостазируемое некритическими умами. Материя — это гипотеза. Когда вы говорите «материя», то, фак-тически, создаете символ для чего-то неизвестного, что может с тем же успехом быть «духом» («spirit») или чем-то еще, воз-можно, даже Богом. С другой стороны, религиозная вера отка-зывается расстаться со своим докритическим *Weltanschauung*

(
Мировоззрением
(нем.). — Прим. пер.).

В противоположность слову Христа (Мат. 18:3. —
Прим. пер.

) верующие пытаются
оста-ваться

детьми вместо того, чтобы быть
как

дети. Они цепляются за мир детства. Известный современный теолог признается в автобиографии, что Иисус был его добрым другом «с самого детства». Иисус — прекрасный пример человека, который про-поведовал нечто отличное от религии своих предков. Но

*imitatio
Christi*

(
Мат. 18:3. —
Прим. пер.),

по-видимому, не содержит в себе той умственной и духовной жертвы, которую ему пришлось принести в начале своего пути и без которой он никогда не стал бы Спасителем.

Конфликт между наукой и религией в действительности вызван неправильным пониманием проблемы с обеих сторон. Научный материализм просто ввел новую сущность, а это — интеллектуальный грех. Он дал другое имя высшему принципу дейст-вительности и предположил, что это создало новую вещь и разрушило старую. Но назовете ли вы эту первопричину бытия «Богом», «материей», «энергией» или как-то там еще, как вам больше нравится, вы равным счетом ничего не создали, а просто сменили символ. Материалист — это метафизик *malgre lui* (Вопреки себе (фр.). — Прим. пер)

. Вера же, напротив, старается удерживать первобытное психическое состояние единственно по сентиментальным мотивам. Она не желает отказываться от примитивного, по-детски наивного от-ношения к созданным разумом и гипостазированным фигурам; она хочет продолжать пользоваться защитой и доверием мира, по-прежнему управляемого могущественными, ответственными и добрыми (пра)родителями. Вера может включать

sacrificiim

intellectus

(

Жертвоприношение интеллекта

(лит.). — Прим. пер.)

(при условии, что есть чем жертвовать), но никогда не жертвует чувством. Таким образом, верующие

остаются

деть-ми вместо того, чтобы быть

как

дети, и они не обретают себя, потому что не теряли. Кроме того, вера сталкивается с наукой и получает по заслугам, ибо отказывается разделять духовные приключения нашего века.

Любой честный мыслитель вынужден признать ненадежность всех метафизических позиций и, в частности, всех вероучений. Ему также приходится допустить неоправданность всех метафизических утверждений и смело принять тот факт, что нет никакого доказательства способности человеческого разума (*mind*) вытаскивать себя, подобно известному барону, за косицу из болота, иначе говоря, устанавливать нечто трансцендентальное.

Материализм — это метафизическая реакция на внезапное осознание того, что познание является умственной способностью, а будучи выведенным за человеческую плоскость, — проекцией. Реакция была «метафизической» постольку, поскольку человек среднего философского уровня был не в состоянии видеть сквозь подразумеваемую сущность, не понимая того, что «материя» — только другое имя для первопричины. По сравнению с этим, позиция веры наглядно показывает, как сопротивляющиеся люди должны были примириться с философской критикой. Она также демонстрирует, насколько велик страх выпустить из рук охранные грамоты детства и заглянуть в чужой, незнакомый мир, управляемый силами, равнодушными к человеку. На самом деле, ни в том, ни в другом случае ничего не меняется: человек и его окружение остаются теми же самими. Человеку нужно лишь ясно понять, что он накрепко заперт с стенами своего разума (*mind*) и не может выйти за его пределы, даже в безумии, и что облик мира или его богов по многом зависит от его собственного психического состояния.

Как я уже отмечал, ответственным за все, что мы можем утверждать о метафизических предметах, является, в первую очередь, устройство разума (*mind*). Кроме того, мы стали понимать, что интеллект — это не *ens*

per

se

(

(Нечто) существующее само по себе

(лат.). — Прим. пер.)

или самостоятельная умственная способность, а психическая функция, зависящая от состояний души (

the

psyche

) как целого. Философское положение есть продукт определенной личности, живущей в определенное время в определенном месте, а не результат чисто логической и безличной процедуры. Сообразно этому, философское положение, главным образом, субъективно, а обладает ли оно объективной действительностью (

validity

), зависит от того, как мало или как много людей приходят в своих рассуждениях к тому же. Изоляция человека в стенах его разума (

mind

) вследствие эпистемологической критики привела, как и следовало ожидать, к психологической критике. Этот вид критики не пользуется популярностью у философов, поскольку им нравится считать философский интеллект совершенным и безусловным инструментом философии. И все же этот их интеллект — не более чем функция, зависящая от индивидуальной души (

psyche

) и ограниченная со всех сторон субъективными обстоятельствами, не говоря о влияниях среды. В самом деле, мы уже настолько свыклись с этой точкой зрения, что «

mind

» совершенно утратил свой всеобщий характер и стал более или менее

индивидуализированной «вещью», без какого-либо следа его прежнего космического вида как

anima

rationalis

(

Разумной души

(лат.). — Прим. пер.)

Разум (

mind

) понимается в наши дни как субъективная, даже произвольная вещь. Как теперь оказалось, ранее гипостазированные «всеобщие идеи» есть

не что иное, как умственные принципы, и до нас постепенно

доходит, в какой степени весь наш опыт так называемой реальности является психическим; фактически, все мыслимое, чувствуемое или воспринимаемое суть психический образ, и сам мир существует лишь постольку, поскольку мы способны создавать его некий образ. Наше заточение в психическом (

psyche

) и ограниченность им производят на нас столь глубокое впечатление, что мы готовы допустить существование в нем даже того, о чем нам

неведомо:

мы называем это «бессознательным».

Казавшаяся универсальной и метафизической, сфера разума была, таким образом, сведена к маленькому кругу индивидуального сознания, глубоко сознающего спую почти безграничную субъективность и инфантильно-архаическую склонность к глупым проекциям и иллюзиям. Многие преданные науке лица даже пожертвовали своими религиозными и философскими учениями, боясь неконтролируемого субъективизма. В качестве компенсации за утрату мира, который пульсировал с нашей крови и жил каждым нашим вздохом, мы воспылали восторженной любовью к *фактам*, — горам фактов, намного превышающим способность любого отдельного человека обзреть их. Мы питаем благочестивую надежду, что это случайное скопище фактов со временем примет форму значащего целого, однако никто не уверен в этом полностью, ибо ни один человеческий мозг не в состоянии охватить гигантскую общую сумму такого серийно производимого знания. Факты хоронят нас под собой, но всякий отважившийся на теоретические размышления должен оплачивать их нечистой совестью, — и это действительно так, потому что его будут постоянно уличать во лжи эти самые факты.

Западная психология понимает «mind» как разумное функционирование души (the mental functioning of a psyche)

of a psyche

of a psyche

of a psyche

) . Это — «склад ума» («

mentality

») индивидуума. С безличным Мировым Разумом (

Universal

Mind

) все еще можно встретиться в сфере философии, где он, по-видимому, является реликтом первой человеческой «души» («

soul

»). Это изображение наших западных взглядов, возможно, покажется излишне решительным, однако я не думаю, что оно далеко от истины. Во всяком случае, нашему взору открывается нечто подобное, как только мы сопоставляем наш склад ума с восточным образом мысли. На Востоке разум (

mind

) — это космический фактор, подлинная сущность жизни, тогда как на Западе мы только начали понимать, (что он является существенным условием познания и, следовательно, когнитивного существования мира. На Востоке нет конфликта между

религией и наукой, потому что наука здесь не основывается на восторженной страсти к фактам, а религия не опирается на одну только веру. Востоку свойственны религиозное познание и познавательная (

cognitive

) религия (Я намеренно не принимаю в расчет модернизированный Восток.). У нас человек несоизмеримо мал и полностью уповает на милость Божью, которая есть все; на Востоке же, человек есть Бог, и потому он спасает себя сам. Боги тибетского буддизма относятся к сфере иллюзорной выделяемости и созданных разумом проекций, — и, тем не менее, они существуют. Что касается нас, то иллюзия остается иллюзией и, значит, ничем. Несмотря на парадоксальность моего утверждения, оно все же правильно:

мысль у нас не обладает надлежащей реальностью, мы относимся к ней так, как если бы она была небытием (

nothingness

). Даже если мысль сама по себе истинна, мы считаем, что она существует только благодаря определенным фактам, которые, как обычно говорят, она выражает в виде формулировки. Мы можем создать самый разительный факт, наподобие атомной бомбы, с помощью этой вечно меняющейся фантазмагии по сути не существующих мыслей, однако нам кажется полным абсурдом, что когда-либо можно установить реальность самой мысли.

«Психическая реальность» — это понятие, которое вызывает споры, подобно понятиям «души» («psyche») или «разума» («mind»). Под последним одни понимают сознание и его содержание, другие допускают существование «неясных» или «подсознательных» представлений. Одни включают инстинкты в психическую сферу, другие исключают их. Подавляющее большинство считает, что психика (

psyche

) является результатом биохимических процессов в клетках мозга. Некоторые же предполагают, что как раз душа (

psyche

) и заставляет кортикальные клетки функционировать. Кто-то отождествляет «жизнь»

(«

life

») с душой (

psyche

).

Но лишь немногие смотрят на психический феномен как на категорию существования *re*

se (

Самого по себе, в чистом виде (

лат.). — Прим. пер)

и выводят из этого признания неизбежные следствия. Разве не парадоксально, что всем

известная категория существования,

sine

qua

поп (

«Без которого нет», т. е. непереносимое условие
(лат.))

всякого существования, а именно — психика (
psyche

), рассматривается так, как если бы она была только полусуществующей? Психическое существование — это единственная категория существования, о котором мы имеем непосредственное

знание, так как ни о чем невозможно узнать, если это сначала не появится как психический образ. Только психическое существование непосредственно поддается проверке. В той степени, в какой мир не принимает форму психического образа, он, фактически, не существует. Это и есть та истина, которую за малым исключением, — как в случае философии Шопенгауэра, — Запад еще не осознал полностью. А на Шопенгауэра оказали влияние буддизм и Упанишады.

Даже поверхностного знакомства с восточной мыслью достаточно для того, чтобы выявить фундаментальное различие, разделяющее Восток и Запад. Восток основывается на психической реальности, то есть на душе (*psyche*), как главном и единственном в своем роде условии существования. Создается впечатление, будто это восточное признание души является скорее психологическим фактом или проявлением темперамента, чем результатом философского рассуждения. Ибо это типично интровертированная позиция, противопоставляемая столь же типично экстравертированной позиции Запада. Как известно, интроверсия и экстраверсия — это свойства темпераменту или даже конституционально обусловленные установки, которые в обычных условиях никогда не выбираются намеренно. В исключительных случаях они могут вырабатываться по желанию индивидуума, но только при особых обстоятельствах. Интроверсия, если можно так выразиться, является «стилем» Востока, привычной и коллективной установкой, так же как экстраверсия является «стилем» Запада. Интроверсия считается здесь в чем-то ненормальной, нездоровой или же предосудительной. Фрейд отождествляет ее с аутоэротической, «нарциссической» установкой ума (mind)

. В своем негативном отношении к интровертам Фрейд разделяет позицию национал-социалистической философии современной Германии (Это писалось в 1939 г.), обвиняющей интроверсию в подрыве чувства общности. А на Востоке, наоборот, лелеемая нами экстраверсия обесценивается как иллюзорная желаемость, как существование в состоянии

сансары (

samsara

),

поворотного звена в цепи

нидан (

Автор: admin
02.07.2010 09:47 -

nidana

) (
Речь идет о круговой причинной цепи из двенадцати психологических состояний (нидан). Подробнее см. в: Радхакршнаи С. Индийская философия. Т. I. М., 1993. С. 348 и далее. —

Прим. пер.),

которая в прямом порядке достигает апогея во всей бездне страданий (

Samyutta

-

nikaya

12,

Nidana

-

samyutta

.

). Всякий, кто на практике знаком с взаимным обесцениванием ценностей в отношениях между интровертом и экстравертом, легко поймет эмоциональный конфликт между позициями Запада и Востока. Для тех, кто немного знаком с историей европейской философии, поучительным примером по-служит начавшийся с Платона спор об «универсалиях». Мне не хотелось бы входить во все разветвления этого конфликта между интроверсией и экстраверсией, однако я должен упомянуть о религиозных аспектах данной проблемы. Христианский Запад считает человека целиком зависящим от милосердия Бога или, по крайней мере, церкви как единственного, санкционированного Богом, земного орудия спасения человека. Восток, однако, на-стойчиво утверждает, что человек есть единственная причина своего высшего развития, ибо Восток серит в «самоосвобождение».

Религиозная точка зрения всегда выражает и формулирует существенную психологическую установку и ее специфические предубеждения, даже когда дело идет о людях, которые забыли или никогда и не слышали о своей религии. Несмотря ни на что, Запад остается целиком и полностью христианским в том, что касается его психологии. Мнение Тертуллиана, что «*anima naturaliter cristiana*» («Душа по природе христианка») (лат.). —

Прим. пер.

) на Западе считается истинным повсюду, — конечно, не в религиозном, как он сам думал, а в психологическом

смысле. Милосердие берет начало где-то в другом месте; во всяком случае, прощение приходит извне. Любая другая точка

зрения — сушая ересь. Отсюда совершенно понятно, почему человеческая душа подвергается недооценке. Всякого, кто отваживается установить связь между душой (psyche

) и идеей Бога, немедленно обвиняют в «психологизме» или подозревают в не-здоровом

Автор: admin
02.07.2010 09:47 -

«мистицизме». Восток же, напротив, проявляет сочувственную терпимость к тем «низшим» духовным стадиям, когда человек в своем полном неведении кармы еще беспокоится о грехе и муках собственного воображения, веря в абсолютных богов, которые, загляни он только поглубже, оказываются всего лишь пеленой иллюзии, сотканной его собственным непросветленным умом (

mind
) . Таким образом, душа приобретает абсолютную важность: она — это все наполняющее собой Дыхание, сущность Будды; она есть Дух Будды (

the
Buddha

-
Mind

), Единое (

the

One

),

Дхармакая (

О «дхармакая» как одном из трех тел Будды см.: Розенберг

О. О. труды

по буддизму. М., 1991. С. 188—190. —

Прим. пер.).

Все существующее происходит из нее и все отдельные формы растворяются обратно в ней. Это и есть основное психологическое предубеждение, которое пропитывает все существо восточного человека, просачивается во все его мысли, чувства и действия, независимо от того, какую веру он исповедует.

Точно так же западный человек — это христианин, независимо от того, к какому вероисповеданию его христианство относится. Для него человек — ничтожный червь, почти ничто. Более того, как говорит Кьеркегор: «перед Богом человек всегда грешен». Боязнь, раскаянием, обещаниями, повинованием, самоуничижением, добрыми поступками и хвалой он пытается умиловить великую силу, которой оказывается не он сам, а *totaliter aliter*, Полностью Иной, совершенно безупречный и «внешний», единственная реальность (Ср. Rudolf Otto. *The Idea of the Holy*. translated by John W. Haivey (4th impr.; Oxford, 1926), pp. 26ff. —

Редакторы

The Collected Works

).

Если немного изменить эту формулировку и заменить Бога какой-то другой силой, например, миром или деньгами, то получится законченная картина западного человека: усердного, смиренного, благочестивого, склонного к самоунижению, предприимчивого, жадного и неистового в погоне за благами этого мира, такими как имущество, здоровье, знания, техническое мастерство, общественное положение, политическая власть, завоевание и т. д. Что представляют собой «великие переселения народов» в наше

время? Попытки захватить деньги или имущество других и защитить свое. Разум используется, главным образом, при придумывании подходящих «измов» для того, чтобы скрыть подлинные мотивы или получить побольше награбленного. Я воздержусь от описания того, что произошло бы с восточным человеком, забудь он свой буддийский идеал, ибо не хочу давать такое несправедливое преимущество моим западным предубеждениям. Но я не могу не поднять вопрос о том, возможно ли — и, более того, желательно ли — для каждой из установок копировать другую? Различия между ними столь велики, что не видно никакой разумной возможности этого, не говоря уже о целесообразности. Нельзя смешать огонь и воду. Восточная установка сводит на нет западную, и наоборот. Невозможно быть добрым христианином и самому освободить себя от собственных грехов, как невозможно быть Буддой и поклоняться Богу. Гораздо лучше признать этот конфликт, ибо он допускает только иррациональное разрешение, если вообще допускает.

По неизбежному велению судьбы Запад знакомится со своеобразными истинами восточной духовности. Бесполезно как умалять эти истины, так и возводить ложные и ненадежные мосты над зияющей пропастью. Вместо того, чтобы заучивать наизусть духовные техники Востока и имитировать их совершенно христианским способом — imitatio

Christi

(!) — с соответственно неестественной установкой, было бы гораздо лучше выяснить, нет ли, кстати, в бессознательном интровертированной тенденции, подобной той, что стала руководящим духовным принципом Востока. При положительном ответе мы были бы в состоянии вести строительство на собственной земле своими собственными методами. Если мы прямо-таки вырываем эти вещи у Востока, то, вероятно, просто дали волю нашему западному стяжательству, еще раз подтверждая, что «все хорошее находится снаружи», откуда оно должно быть добыто и перекачено в наши «тощие»

души (

souls

) (

«Тот

же, кто не имеет Бога в себе, а всеми способами должен добывать Его извне,

...поистине такой человек не имеет Его, и беды легко выпадают на его долю». —

Me

йстер Экхарт (H.

Buittner

,

Meister

Eckharts

Schriften

und

Predigten

[

Yena

, 1909—17),

Bd

. II.

S

. 185.). Cp

.
также

Meister Eckhart,

translated by Evans, Vol. II. p. 8.).

По-моему, мы действительно научились кое-чему у Востока лишь тогда, когда понимаем, что душа содержит в себе и без того достаточно богатств, чтобы еще нужно было наполнять ее извне, и когда мы ощущаем способность развиваться из себя, с Божьей милостью или без нее. Однако мы не можем пускаться в это сомнительное предприятие, пока не научились справляться с нашей духовной гордыней и богохульной само-уверенностью. Восточная установка оскверняет специфически христианские ценности, — и нехорошо закрывать глаза на это обстоятельство. Если мы хотим, чтобы наша новая установка была подлинной, то есть основанной на нашей собственной истории, она должна приобретаться с полным сознанием христианских ценностей и конфликта между ними и интровертированной установкой Востока. Мы должны прийти к восточным ценностям изнутри, а не извне, отыскивая их в нас самих, в бессознательном. Вот тогда мы и узнаем, сколь велика наша боязнь бессознательного и сколь огромно наше сопротивление. Вследствие этого сопротивления мы сомневаемся как раз в том, что кажется таким очевидным на Востоке, а именно — в *самоосвобождающей силе интровертированного разума*

(

mind

).

Эта сторона разума (mind) практически неизвестна Западу, хотя она образует самый важный компонент бессознательного. Многие люди решительно отрицают существование бессознательного или же говорят, что оно состоит только из инстинктов или из вытесненных, либо забытых содержаний, которые были некогда частью сознательного ума (mind). Можно с уверенностью допустить: то, что Восток называет «mind», должно больше соответствовать нашему «бессознательному», чем «разуму» в нашем понимании, который более или менее тождествен сознанию. Для нас сознание невообразимо без эго, ибо приравнивается к приведению содержаний в связь с эго. Если нет эго, тогда просто некому что-либо сознавать. Поэтому эго совершенно необходимо для сознательного процесса. Однако восточный ум (mind) не испытывает затруднения в понимании сознания без эго. Считается, что сознание способно преступать пределы своего эго-состояния, — ведь в «высших» формах сознания эго бесследно исчезает. Такое безсубъектное (ego

-
less

) ментальное состояние. Для нас может быть только бессознательным, по той простой причине, что о нем некому будет свидетельствовать. Я не сомневаюсь в существовании ментальных состояний, выходящих за пределы сознания. Однако, они утрачивают свою сознательность в той самой степени, в какой они преступают пределы сознания. Я не могу вообразить сознательное ментальное состояние, которое не относилось бы к субъекту, то есть к эго. Эго можно ослабить — лишить его, например, сознания тела субъекта, — но пока существует сознание чего-либо, должен быть кто-то, кто это сознает. Бессознательное же является таким ментальным состоянием, о котором эго не знает. Только благодаря косвенным средствам мы в конечном счете начинаем сознавать существование бессознательного. Так, мы можем наблюдать проявление бессознательных осколков личности, отделившихся от сознания пациента при умопомешательстве. Но у нас нет никаких доказательств того, что бессознательные содержания связываются с бессознательным центром, аналогичным эго; более того, у нас достаточно оснований, чтобы обосновать, почему такого центра и быть-то не может.

То, что Восток способен так легко избавляться от эго, по-видимому, свидетельствует о разуме (mind), который не может отождествляться с нашим «разумом» («mind»).

Разумеется, эго не играет той же роли в восточном мышлении, какую оно играет у нас.

Кажется, будто восточный ум (mind

) менее эгоцентричен, его содержания более свободны по отношению к субъекту и при этом большее значение придается тем ментальным состояниям, которые включают ослабленное эго. Кажется также, как если бы

хатха-йога

была особенно полезной в качестве средства гашения эго посредством сковывания его непокорных импульсов. Несомненно, что высшие формы йоги в той мере, в какой они стремятся достичь

самадхи (
samadhi

),

ищут ментальное состояние, в котором эго практически растворяется. Сознание в нашем смысле слова считается определенно низшим состоянием, состоянием

авидья (
avidya

—

затемнения, помрачения), Тогда как то, что мы называем «темными задворками сознания», понимается как «высшее» сознание (Поскольку «высокий» и «низкий» —

это

категориальные суждения сознания, западная психология не дифференцирует бессознательные содержания таким способом. Похоже, однако, что Восток признает субчеловеческие психические состояния, настоящее «подсознание», охватывающие

инстинкты и полуфизиологические психиэмы, но расценивает их как «более высокое сознание»). Тем самым наше понятие «кол-лективного бессознательного» оказывается как бы европейским эквивалентом

buddhi

,
просветленного разума (

mind

).

Ввиду всего сказанного, восточная форма «возвышения» («*sublimation*») равнозначна изъятию центра психической тяжести из эго-сознания, который занимает среднее положение между телом и идеационными процессами души (

psyche

). Более низкие, психофизиологические слои души (

psyche

) покоряются

аскезой (

askesis

),

то есть упражнениями, и держатся под контролем. Не то, чтобы они отрицались или подавлялись верховным усилием воли, как это обычно происходит в западной версии «возвыше-ния». Скорее, эти более низкие психические слои приспособляются и перестраиваются посредством упорных занятий хатха-йогой до тех пор, пока они уже больше не мешают развитию «более высокого» сознания. Этому своеобразному процессу, по-видимому, способствует то обстоятельство, что эго и его желания блокируются благодаря большей важности, обычно придаваемой Востоком «субъективному фактору». Под последним я имею в виду «темный задник» сознания, бессознательное. Интровертированная установка характеризуется, в общем, акцентом на ап-риорных данных апперцепции. Как известно акт апперцепции состоит из двух фаз: сначала — перцепции объекта, затем — уподоблении перцепции предсуществующему образцу или кон-цепту, посредством которого и «постигается» объект. Психика (

psyche

) не есть небытие, лишенное всякого качества; она пред-ставляет собой определенную систему, образованную определен-ными состояниями, которая реагирует особым образом. Каждая новая репрезентация, будь это образ или спонтанная мысль, вызывает ассоциации, извлекаемые из кладовой памяти. Они тотчас же впрыгивают в сознание, создавая сложную картину «впечатления», хотя, на самом деле, это уже что-то вроде ис-толкования. Бессознательное предрасположение, от которого за-висит качество впечатления, и есть то, что я называю «субъек-тивным фактором». Он заслуживает характеристики «субъектив-ный», потому что объективность едва ли когда даруется нам первым впечатлением. Обычно требуется довольно трудоемкий процесс верификации, сравнения и анализа, чтобы умерить и адаптировать непосредственные реакции субъективного фактора.

Выдающееся положение субъективного фактора не означает *личного субъективизма*, несмотря на готовность экстравертированной установки отделаться от субъективного фактора как «всего лишь» субъективного. Душа (*psyche*) и ее структура вполне ре-альны. Как мы уже говорили, она трансформирует материальные объекты в психические образы. Воспринимаются не колебания воздуха, а звук; не световые волны разной длины, а цвета. Все существующее таково, каким мы его видим и понимаем. И есть неисчислимое множество вещей, которые можно видеть, чувствовать и понимать самым разным образом. Совершенно помимо простых личных предубеждений душа (*psyche*) ассимилирует внешние факты присущим только ей способом, который осно-вывается, в конечном счете, на законах или структурах аппер-цепции. Эти законы неизменны, хотя в разные времена или в разных частях света их могут называть по-разному. На первобытной стадии развития люди боятся колдунов; в условиях современной цивилизации мы испытываем не меньший страх перед микробами. Там каждый серит в духов, здесь каждый верит в силу витаминов. Когда-то люди были одержимы дьяволом, теперь они ничуть не меньше одержимы идеями, и т. д.

Этот субъективный фактор образуется, в предельном случае, из вечных образцов психического функционирования. Тем самым всякий, кто полагается на субъективный фактор, опирается на действительность психического закона. Поэтому едва ли можно сказать, что такой человек неправ. Если этим способом он преуспевает с распространении своего сознания вниз, до сопри-косновения с основными законами душевной жизни, то оказы-вается владеющим той истиной, которую душа (*psyche*) стала бы естественно развисать, если бы не неизбежное вмешательство непсихического, то есть внешнего, мира. Во всяком случае, до-бытую им истину можно было бы сравнить с суммой всех знаний, приобретенных в ходе исследования внешнего окружения. На Западе считают, что истина удовлетворительна лишь в том случае, если ее можно подтвердить внешними фактами. Мы доверяем самому точному наблюдению и исследованию природы, и наша истина должна соответствовать поведению внешнего мира, иначе она просто «субъективна». Подобно тому как Восток отворачивает свой взор от танца

пракрити (*prakriti*)

Первоначальная субстанция, природа в широком смысле слова

(д

р

-инд.

prakriti

). — Прим. пер.)

(фюсис) и от многочисленных иллюзорных форм

майи

(
тауа
) , Запад избегает бессознательного и его бесполезных фантазий. Но несмотря на свою интровертированную установку, Восток отлично знает, как взаимодействовать с внешним миром. И Запад, несмотря на свою экстраверсию, тоже имеет средство обращения с душой (
psyche
) и ее запросами; в его распоряжении институт церкви, который дает выход неизвестной душе (
psyche
) человека благодаря своим обрядам и догматам. Ни естественные науки, ни современные технологии отнюдь не являются изобретением Запада. Их восточные эквиваленты довольно древни или даже перво-бытны. Однако то, чем мы можем похвалиться в отношении инсайта и психологических техник, должно казаться, по сравнению с йогой, столь же отсталым, как восточная медицина и астрология при сравнении их с западной наукой. Я вовсе не отрицаю действенности христианской церкви, но если вы сравните «Духовные упражнения» Игнатия Лойолы с йогой, вы меня поймете. Есть разница, и большая. Прыжок прямо с этого уровня в восточную йогу не более благоразумен, чем стремительное превращение азиатских народов в полуиспеченных европейцев. У меня есть серьезные сомнения по поводу благ западной цивилизации; но у меня есть сходные опасения и в отношении заимствования восточной духовности Западом. Однако, что бы мы ни говорили, эти два несовместимых мира встретились. Восток полностью преобразуется, претерпевая необратимые и губительные изменения. Там успешно скопированы даже самые эффективные методы ведения войн европейскими народами. Наша беда, по-видимому, носит гораздо более психологический характер. Наша гибель — это идеологии, они и есть давно ожидаемый Антихрист! Национал-социализм настолько близок к тому, чтобы быть религиозным движением, как никакое другое народное движение с 622 г. нашей эры (Дата бегства Магомета в Медину (хиджра): начало мусульманской эры.). Коммунизм претендует на то, чтобы быть вновь пришедшим на землю раем. Мы значительно лучше защищены от неурожая, наводнений, эпидемий и нашествия турок, чем от нашей собственной духовной неполноценности, которая, к прискорбию, не способствует должной сопротивляемости психическим эпидемиям.

В своей религиозной установке Запад также экстравертен. В наше время было бы беспричинным оскорблением заявить, что христианство подразумевает враждебность — или хотя бы без-различие — к миру и плоти. Наоборот, добрый христианин -это веселый гражданин, предприимчивый делец, отличный солдат, и вообще самый лучший во всяком занятии, какое только существует. Имущество, собственность часто понимается как особая награда за христианское поведение, а в «Отче наш» прилагательное *epiousioV*

,
supersubstantialis

(Это не

неприемлемый перевод

e
p
i
o
v
s
i
o
V

, сделанный
Jerome

, а древнее церковное толкование, данное Тертуллианом, Оригеном и другими.

),
относящееся к хлебу, давно было опущено, ибо настоящий хлеб очевидно получает тем самым слишком большое значение! Вполне логично, что экс-траверсия, доведенная до таких крайностей, не может приписывать человеку душу (psyche

), содержащую нечто непривнесенное в нее извне либо человеческим научением, либо Божьей милостью. С этой точки зрения было бы отъявленным богохульством утверждать, что человеку достаточно той души, которую он имеет, чтобы достичь своего собственного спасения. Ничто в нашей религии не поощряет идею самоосвобождающей силы духа (mind

). Однако, самая современная разновидность психологии, — «аналитическая» или «комплексная» психология, — предусматривает возможность существования определенных процессов в бессознательном, которые, благодаря их символизму, компенсируют дефекты и искажения сознательной установки. В тех случаях, когда эти бессознательные компенсации осознаются при помощи аналитической техники, они производят такое изменение в сознательной установке, что мы имеем право говорить о новом уровне сознания. Однако, сам метод не может вызвать подлинный процесс бессознательной компенсации, ибо мы все же зависим от бессознательной души (psyche

) или «милости Божьей», — название не имеет значения. Но и бессознательный процесс сам по себе вряд ли когда-нибудь достигнет сознания без специальной помощи. Будучи поднятым на поверхность, он открывает содержания, резко контрастирующие с генеральной линией сознательного мышления и чувствования. Разумеется, если бы это было не так, они не имели бы и компенсирующего эффекта. Однако, первым их эффектом, обычно, является конфликт, потому что сознательная установка сопротивляется вторжению явно не-совместимых и чуждых тенденций, мыслей, чувств и т. д. Шизофрения дает самые поразительные примеры такого вторжения крайне чуждых и неприемлемых содержаний. Конечно, при шизофрении дело прежде всего в патологических искажениях и преувеличениях, однако всякий, кто хотя бы в малейшей степени знаком с нормальным материалом, легко распознает одинаковость лежащих в основе такой продукции образцов (patterns

). Фактически, это та же система образов, которую мы встречаем в мифологии и других

формах архаической мысли.

В нормальных условиях каждый конфликт побуждает разум (mind) к деятельности с целью выработки удовлетворительного решения. Обыкновенно, — то есть на Западе, — сознательная позиция произвольно выносит решение против бессознательной, так как все приходящее изнутри терпит урон от предрассудка как якобы низшее, неполноценное и почему-то ошибочное. Но в случае, который мы здесь обсуждаем, предполагается решение, согласно которому явно несовместимые содержания не будут снова подавляться и что возникший конфликт будет признан и стерплен. Поначалу никакое решение не кажется возможным, и сам этот факт тоже должен переноситься с терпением. Созданная таким образом подвешенность «констеллирует» бессознательное, — другими словами, создаваемая неопределенность вызывает новую компенсаторную реакцию в бессознательном. Эта реакция (обычно обнаруживаемая в сновидениях), в свою очередь, доводится до сознательного понимания. Таким образом, сознательному уму (mind) предъявляется некий новый аспект души (psyche), который вызывает новую или видоизменяет старую проблему каким-то неожиданным образом. Эта процедура продолжается до тех пор, пока исходный конфликт не получает удовлетворительного раз-решения. Весь процесс, от его начала до завершения, называется «трансцендентной функцией». Это и процесс, и метод одновременно. Производство бессознательных компенсаций — это спонтанный процесс; сознательное понимание — это метод. Функция называется «трансцендентной», потому что она облегчает переход от одного душевного состояния к другому посредством сведения вместе противоположностей.

Это очень эскизное изображение трансцендентной функции; за подробностями я должен отослать читателя к соответствующей литературе («Трансцендентная функция»). Но я счел необходимым привлечь внимание к этим психологическим наблюдениям и методам, поскольку они указывают на тот способ, каким можно получить доступ к той разновидности «разума» («mind»), на которую мы ссылаемся при обсуждении нашей темы. Это — творящий образы разум (image-creating mind), матрица всех тех образцов (patterns), что придают апперцепции ее специфический характер. Эги образцы свойственны

бессознательному уму (
mind

), являются его структурными элементами и единственным объяснением того, почему определенные мифологические мотивы оказываются более или менее повсеместными, даже тогда, когда миграция как средство их передачи практически исключена.

Сновидения, фантазии и психозы производят образы, судя по всему идентичные мифологическим мотивам, о которых данный человек не имеет ни малейшего представления и даже не располагает косвенным их знанием, приобретаемым обычно через риторические фигуры речи или символический язык Библии (Некоторые находят такие утверждения неправдоподобными. По тогда они либо не знакомы с психологией первобытных людей, либо не знают результатов психопатологических исследований. Конкретные наблюдения приводятся в моих работах

Symbols

of

Transformation

и

Psychology

and

Alchemy

,
Part

II,). Психопатология шизофрении, так же как и психология бессознательного, вне всякого сомнения демонстрирует продукцию архаического материала. Какой бы ни была структура бессознательного, одно можно сказать определенно: оно содержит неограниченное количество мотивов или образцов (
patterns

patterns

) архаического характера, в принципе идентичных основным представлениям мифологии и подобных ей форм мысли.

Так как бессознательное является маточным разумом (*matrix mind*), с ним связывается свойство креативности. Бессознательное — место рождения форм мысли, такое же, каким наша традиция считает Мировой Разум (
Universal

Universal

Mind

). Поскольку мы не можем придать никакой конкретной формы бессознательному, восточное утверждение, что Мировой Разум не имеет формы, хотя служит источником всех форм, кажется психологически оправданным. Вследствие того, что эти формы или образцы (
patterns

patterns

) бессознательного не относятся к какому-то определенному времени, существуя, по-видимому, вечно, они вызывают, при их сознательном понимании, особое чувство вневременности. Мы находим сходные утверждения в психологии первобытных племен: например, австралийское слово

aljira

(
Lucien
Levy
-
Bruhl
,
La
Mythologie
primitive

(
Paris
. 1935).
pp
. XXIII и Далее.
)

означает «сновидение», а также — «страна духов» и «время», в котором предки жили и живут до сих пор. Это, как говорят сами аборигены, «время, когда времени еще не было». Данный факт напоминает явную конкретизацию и проекцию бессознательного со всеми его характерными признаками — сновидными проявлениями, родовым миром форм мысли и вневременностью.

Таким образом, интровертированная установка, которая лишает значения внешний мир (мир сознания) и наделяет особым значением субъективный фактор (задний фон сознания), неизбежно вызывает характерные проявления бессознательного, а именно: формы архаической мысли, наполненные «родовым» или «историческим» чувством, и, помимо них, ощущение неограниченности, вневременности и единственности. Необычайное чувство единственности является общим переживанием по всем формам «мистицизма» и, вероятно, производно от общей контаминации содержаний, которая усиливается по мере того, как тускнеет сознание. Почти беспредельная контаминация образов в сновидениях и, особенно, в продуктах умопомешательства, свидетельствует в пользу их бессознательного происхождения. В противоположность ясному различению и дифференциации форм в сознании, содержания бессознательного невероятно туманны и неуловимы, — и по этой причине способны к любой степени контаминации. Если мы пытаемся постичь состояние, в котором ничего нельзя различить, мы определенно будем сознать целое как одно. Исходя из этого, не так уж невероятно, что специфическое переживание единственности происходит из подсознательного знания всеобщей контаминации содержаний бессознательного.

При помощи трансцендентной функции мы не только получаем доступ к «Единому Разуму» («One Mind»), но и приходим к пониманию того, почему Восток верит в самоосвобождение. Если, посредством интроспекции и сознательного понимания бессознательных компенсаций, можно преобразовывать ментальное состояние

человека и тем самым достигать разрешения болезненных конфликтов, то человек, по-видимому, имеет право говорить о «самоосвобождении». Однако, как я уже намекал, есть небольшое препятствие на пути этого гордого притязания на самоосвобождение, ибо человек не может по желанию вызывать такие бессознательные компенсации. Ему приходится полагаться на возможность того, что они могут быть вызваны. Не в состоянии он изменить и специфический характер компенсации: *est*

ut

est

aut

pop

est

—

«она такова, какова она есть, или ее вовсе нет». Любопытная вещь: восточная философия, по-видимому, почти не сознает этого крайне важного факта. А ведь именно этот факт обеспечивает психологическое оправдание западной точке зрения.

Получается так, как если бы западному разуму (

mind

) глубже всех удалось интуитивно постичь судьбоносную зависимость человека от некой темной силы, которая должна содействовать, если мы хотим, чтобы все было в порядке. И действительно, всякий раз, когда бессознательное отказывается содействовать, человек тотчас же испытывает затруднение, даже в самых обыденных делах. Это могут быть провалы памяти, нарушение координации движений, внимания и сосредоточения, — и такие вот, казалось бы незначительные, сбои вполне могут быть причиной серьезной неприятности или рокового несчастного случая, профессионального провала или морального падения. В прежние времена люди объясняли это неблагоклонностью богов; теперь мы предпочитаем называть это неврозом и ищем причину в недостатке витаминов, эндокринных нарушениях, чрезмерной работе или половых проблемах. Содействие бессознательного, которое является чем-то таким, о чем мы никогда не задумываемся и всегда принимаем как само собой разумеющееся, оказывается, когда оно неожиданно нарушается, очень серьезной проблемой.

По сравнению с другими народами, — китайцами, например, — психическое равновесие белого человека или, если сказать прямо, его мозг, по-видимому, и есть его уязвимое место. Разумеется, мы пытаемся держаться как можно дальше от нашего слабого места, — факт, который, возможно, объясняет ту разновидность экстраверсии, что всегда ищет безопасности посредством овладения своим окружением. Экстраверсия идет рука об руку с недоверием внутреннему человеку, если, конечно, вообще имеет место какое-то его осознание. Должно быть, такова причина нашей абсолютной уверенности в том, что *nihil est in intellectu quod pop antea fuerit in sensu* (Нет ничего в интеллекте, чего бы не было прежде и ощущениях *(лат.)*).

—

Прим. пер.), —

Автор: admin
02.07.2010 09:47 -

девизе западной экстраверсии. Но, как уже подчеркивалось, эта экстраверсия психологически оправдана одним жизненно важным обстоятельством: бессознательная компенсация лежит за пределами контроля со стороны человека. Мне известно, что йога гордится своей способностью управлять даже бессознательными процессами, так что в душе как целом (

the
psyche
as
a
whole

) не может происходить ничего, что бы не управлялось высшим сознанием. Я ничуть не сомневаюсь, что такое состояние более или менее возможно. Но оно возможно только ценой идентификации с бессознательным. Такая идентичность есть восточный эквивалент нашего западного фетиша «полной объективности» — машиноподобного подчинения себя одной цели, одной идее или одной причине ценой утраты всякого следа внутренней жизни. С точки зрения Востока подобная полная объективность выглядит отталкивающей, ибо она равнозначна полной тождественности со ступенью сансары (

samsara
) ; Западу, напротив, самадхи (samadhi

) представляется всего лишь состоянием бессмысленных грез. На Востоке внутренний человек всегда имел такую твердую власть над внешним человеком, что у мира не было никаких шансов оторвать его от своих внутренних корней; на Западе же, внешний человек забрал такую власть, что она заставила его отвернуться от своей сокровенной сущности и глубинного бытия. Единый Разум, Единственность, неограниченность и вечность остались прерогативой Единого Бога. Человек стал мелким, поверхностным и, по существу, пребывает в заблуждении.

Я полагаю, из моей аргументации ясно следует, что две эти позиции, как бы они ни противоречили друг другу, имеют свое психологическое оправдание. Обе — односторонни с том смысле, что не в состоянии увидеть, понять и принять в расчет факторы, не согласующиеся с их типической установкой. Одна недооценивает мир сознания, другая — мир Единого Разума (the One Mind). Как следствие, обе, с своим экстремизме, утратили одну половину мира; тем самым жизнь изолируется от полной действительности и легко становится искусственной и нечеловеческой. На Западе существует мания «объективности», аскетизм ученого или биржевого маклера, которые отбрасывают красоту и полноту жизни ради идеальной — или не такой уж идеальной — цели. На Востоке в цене мудрость, покой, отрешенность и инерция души (

psyche

), которая повернулась к своим туманным истокам, оставляя позади все печали и радости жизни как она есть или, предположительно, какой ей следовало бы быть. Неудивительно, что односторонность производит в обоих случаях очень сходные 4юры «монашества», обеспечивающие отшельнику, праведнику, монаху или ученому

непоколебимую целеустремленность. Я ни-чего не имею против односторонности как таковой. Человек, великий эксперимент природы, несомненно имеет право на все подобные предприятия, — при условии, что он может их вынести. Без односторонности человеческий дух (

spirit

) не мог бы рас-крыться во всем своем многообразии. Но я не думаю, что и стремление понять обе стороны несет в себе какой-нибудь вред.

Экстравертированная тенденция Запада и интровертированная тенденция Востока преследуют сообща одну важную цель: обе развивают отчаянные усилия для того, чтобы завоевать и под-чинить себе простую естественность жизни. Утверждение духа над материей, *opus contra naturam* (Покорение природы (лат.). — Прим. пер.) — это симптом молодости рода человеческого, еще наслаждающегося применением самого мощного оружия, когда-либо изобретенного природой: сознатель-ного ума (

mind

). Зрелость человечества, лежащая в отдаленном будущем, может развить совершенно иной идеал. Со временем, даже победы и завоевания перестают быть мечтой.